

Список цитируемой литературы:

1. Беляева Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 3.

2. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов: монография. М.: Изд-во РИПК работников ОВД, 1992.

3. Патрушев Е. В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка в местах лишения свободы // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 4 (49).

4. Реент Ю. А. Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2.

5. Уголовно-исполнительное право России: учебник для юридических вузов и факультетов. 3-е изд. / под ред. А. И. Зубкова.

The list of the quoted literature:

1. Belyaeva L. I. About imprisonment, as a measure of punishment, and about the order of serving such (Temporary instruction): a look through the century // Man: crime and punishment. 2019. Vol. 27 (1-4). No. 3.

2. Detkov M. G. The content of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period 1917-1930: monograph. M.: Publishing house of RIPK employees of the Department of Internal Affairs, 1992.

3. Patrushev E. V. Criminal-legal problems of the fight against crimes against public safety and public order in prisons // Bulletin of Chita State University. 2008. No. 4 (49).

4. Reent Yu. A. From the experience of the establishment of the correctional labor system of the RSFSR // Criminal Executive System: Law, Economics, Management. 2004. No. 2.

5. Criminal executive law of Russia: a textbook for law schools and faculties. 3rd ed. / ed. A.I. Zubkova.

**ИСТОРИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**HISTORY OF CRIMINALIZATION OF VIOLENCE IN THE
CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD**

Дмитренко А.П.,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права

*ФКГКОУ ВО «Московский университет МВД
РФ имени В.Я. Кикотя»*

(г. Москва)

Dmitrenko A.P.

*LLD (Law), professor, professor of department of
Criminal law of The Moscow*

*university Ministry of Internal Affairs of Russia of V.
Ya. Kikotya*

(Moscow)

Подгайный А.М.
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры административной деятельности
ОВД Краснодарского университета МВД России,
(г. Краснодар)

Podgayny A.M.
PhD in law
Deputy head of the Department of administrative
Affairs of the Krasnodar University of the Ministry of
internal Affairs of Russia,
(Krasnodar)

Сарницкий С.Н.
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук
(г. Краснодар)

Sarnitsky S.N.
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University

Ключевые слова: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., насильственные преступления, преступления, сопряженные с применением насилия, насильственный способ совершения преступления, физическое насилие, психическое насилие.

Аннотация: В статье исследован генезис норм уголовного законодательства советского периода, предусматривавших ответственность за насильственные преступления. Авторами отмечен этап выделения в уголовном законе и криминализации психического насилия, показана тенденция усиления уголовно-правовой охраны граждан от преступлений, сопряженных с применением физического или психического насилия.

Keywords: Guiding principles in the criminal law of the RSFSR of 1919, the Criminal Codes of the RSFSR of 1922, 1926, 1960, violent crimes, crimes involving the use of violence, violent means of committing a crime, physical violence, mental violence.

The summary: The article examines the genesis of the norms of the criminal legislation of the Soviet period, which provided for responsibility for violent crimes. The stage of allocation in the criminal law and criminalization of mental violence is marked. A trend is shown aimed at strengthening the criminal legal protection of citizens from crimes involving the use of physical or mental violence.

Система насильственных преступлений, то есть посягательств, совершаемых посредством применения насилия, сформировалась еще в досоветский период. Указание на преступные деяния, совершаемые с применением насилия, можно встретить уже в первых писанных источниках уголовного права, коими являются договоры, заключенные русским князем Олегом с греками в 907 году.

Анализ первых источников уголовного закона советского периода развития России показывает, что процесс нормативного закрепления преступлений, совершаемых с применением насилия, отличался непоследовательностью. Несмотря на то обстоятельство, что концептуальную основу первых уголовно-правовых актов молодого советского государства составляло весьма неплохо проработанное дореволюционное законодательство, стремление власти сломать всю старую систему не позволило ей с первых дней принять кодифицированный нормативно-правовой акт, основанный на Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее в тексте – Руководящие начала) не предусматривали конкретных составов преступлений, включая лишь положения Общей части. Вместе с тем в п. «е» ст. 11 данного нормативно-правового акта предписывалось при определении меры наказания в каждом отдельном случае различать, совершено ли деяние посредством насилия над личностью или без такового. Еще одной особенностью Руководящих начал является то, что в них термин «насилие» был использован для характеристики правомерного поведения. Так, во введении говорилось о бессистемном применении пролетариатом мер насилия в борьбе со своими классовыми врагами. В частности, указывалось, что в процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Кроме того, выделялось ненаказуемое насилие, то есть то, которое применялось к нападающему в состоянии необходимой обороны. В ст. 15 Руководящих начал устанавливалось, что не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым

средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны.

До принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. насилием признавалось только причинение вреда здоровью человека, то есть деяние, повлекшее какое-либо заболевание либо телесные повреждения. В указанном нормативном акте впервые в советском уголовном законодательстве термин «насилие» стал охватывать причинение физической боли, не повлекшее расстройства здоровья человека: удары, побои или иное насилие, например дранье за уши, таскание за косу, а равно лишение свободы. Так, во втором разделе пятой главы «Телесные повреждения и насилия над личностью» насилием признавались умышленное нанесение удара, побоев или иное насильственное действие, причинившее физическую боль, и незаконное лишение человека свободы.

Кроме того, появились нормы, предусматривающие насилие в качестве конструктивного признака преступлений, посягающих на порядок управления. В этих составах насилие выступало в качестве одного из способов неправомерного воздействия на представитель власти. В частности, ст. 86 УК РСФСР 1922 г. предусматривала ответственность за сопротивление представителям власти или принуждение их к выполнению явно незаконных действий, если эти деяния были сопряжены с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти.

Вместе с тем в теории уголовного права начали формироваться позиции, согласно которым термином «насилие», наряду с физическим его проявлением (нанесение увечий, ударов и т.д.), должно охватываться негативное психическое воздействие на человека. Так, А. А. Жижиленко предлагал признавать квалифицирующим признаком грабежа (ст. 183 УК РСФСР 1922 г.) не только применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, но и угрозу применения такого насилия¹. Впо-

¹ Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л., 1925. С. 98.

следствии такое же понимание названного признака грабежа и разбоя было предложено М. М. Исаевым применительно к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г.¹

На допустимость признания психического воздействия на человека насилем указывали и такие теоретики того времени, как С. Мокринский и В. Натансон. По их мнению, признак состава незаконного лишения свободы (ст. 147 УК РСФСР 1926 г.) должно было образовываться как физическое, так и психическое (угрозы) насилем².

Физическое и психическое «воздействие», которые, несмотря на название, по своей сути являлись ничем иным, как физическим и психическим насилем, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. признавались конструктивными признаками изнасилования и принуждении к занятию проституцией.

Итак, в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. насилем могло составлять как самостоятельное наказуемое деяние, так и способ совершения ряда преступлений. При этом понятие насилия было расширено за счет включения в него, наряду с причинением человеку вреда, причинения физической боли и лишения свободы. Кроме того, в этом нормативном правовом акте стало выделяться и психическое насилем в качестве способа совершения ряда преступлений. Фактически это ознаменовало начало новой эпохи в уголовно-правовой охране личности от негативного психического воздействия.

Названная тенденция нашла свое продолжение в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., в котором был закреплен окончательный отказ от узкого понимания насилия – как деяния, причиняющего физическую боль. Широкое понимание насилия объединило в себе все преступления, объективная сторона которых включала деяния, заключающиеся в физическом или психическом воздействии на человека.

Особенностью Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. явилась попытка охватить насилем как конструктивным признаком отдельных составов преступлений фактически все телесные повреждения, вплоть до причинения смерти человеку. Отсутствие необходи-

мости квалификации, в частности, превышения власти, сопряженного с применением насилия в виде причинения смерти человека, по статье, предусматривающей ответственность за убийство, объяснялась суровостью санкции конкурирующей нормы.

Так, П. И. Люблинский полагал, что физическое насилем вообще может выражаться в любых действиях, нарушающих телесную неприкосновенность другого лица, кроме ситуаций, в которых проявлялось его явное или скрытое согласие³. Сходную позицию занимал и А. А. Жижиленко, указывавший, что «под физическим насилем как способом совершения изнасилования разумеется всякое воздействие на телесную неприкосновенность, в чем бы оно ни проявлялось, будет ли это насилем над личностью в тесном смысле, или же насилем выразилось в телесном повреждении независимо от его тяжести ...»⁴.

В качестве положительной тенденции, нашедшей проявление в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., следует отметить существенное сокращение составов конкретных видов насильственных преступлений. Это достигалось за счет ухода от казуистичной формы конструирования норм и формулирования общих норм, охватывающих существенный круг насильственных деяний, ранее признававшихся самостоятельными преступлениями.

Вместе с тем, наряду с ранее существовавшими, появились новые преступления, включающие в себя насилем в качестве криминообразующего признака: насильственное освобождение арестованного из-под стражи, воинские насильственные преступления (оскорбление начальника или подчиненного насильственным действием, сопротивление исполнению приказа или распоряжения), участие в массовых беспорядках, участие в бандах или совершаемых ими нападениях, террористический акт, насильственное сопротивление представителям власти, принуждение к занятию проституцией, незаконные задержание, привод, принуждение к даче показаний.

Особо следует обратить внимание на то, что не подвергшиеся криминализации формы насилия могли получать уголовно-правовую оценку со всеми вытекающими последствиями

¹ Исаев М.М. Имущественные преступления. М., 1938. С. 38-39.

² Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Вып. II. Харьков, 1928. С. 155.

³ Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925. С. 71.

⁴ Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924. С. 21.

за счет допустимости по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. применения аналогии закона.

Преступления, совершаемые с применением насилия, обрели характер системы в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. С момента его принятия и до начала восьмидесятых годов нормы, предусматривающие ответственность за преступления, основным деянием или способом совершения которых являлось насилие или угроза его применения, фактически оставались неизменными. Это позволяет сделать вывод, что законодателю удалось найти оптимальные решения в сфере криминализации насильственных преступлений. Особо отчетливо это проявлялось на фоне существенных изменений и дополнений в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. норм, предусматривавших ответственность за посягательства на собственность, хозяйственные и государственные преступления.

Серьезные социальные преобразования, начавшиеся в СССР с середины восьмидесятых годов, обусловили резкий рост насильственных проявлений, ранее практически не встречавшихся, фактически во всех сферах общественных отношений. Этот процесс отразился на деятельности по криминализации и пенализации ряда деяний, совершаемых с применением насилия. В начале девяностых годов Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен следующими нормами, предусматривавшими ответственность за преступления, сопряженные с насилием: его применение в составе незаконных вооруженных формирований (ч. ч. 2, 3 ст. 77²), похищение человека (ст. 125), угроза или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников (ст. 176²), насиль-

ственное сопротивление военнослужащему, сотруднику органа внутренних дел или иному лицу при исполнении ими обязанностей по охране Государственной границы (ст. 191⁴), посягательство на жизнь указанных лиц (ст. 191⁵) и др.

Эти дополнения отражали существенные изменения в общественной жизни страны, связанные с расширением сферы применения насилия.

Еще одной чертой Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. было то, что количество преступлений, в которых насилие составляло само деяние, более чем в два раза превышало количество преступлений, где применение насилия или угрозы его применения выступало способом их совершения.

Итак, во всех кодифицированных нормативно-правовых актах уголовно-правового характера советского периода, начиная с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., насильственный способ совершения преступлений признавался наиболее опасной формой их проявления. С момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. в законодательстве сложилась последовательная структура норм, предусматривающих ответственность за насильственные преступления. Анализ санкций норм, содержащихся в этом нормативно-правовом акте, свидетельствует об отнесении преступлений, деяние в составе которых выражалось в применении насилия или было сопряжено с насилием или угрозой его применения, как правило, к категории тяжких. Достаточно часто применение насилия предусматривалось в качестве квалифицирующего признака.

Список цитируемой литературы:

1. Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л., 1925.
2. Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924.
3. Исаев М. М. Имущественные преступления. М., 1938.
4. Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925.
5. Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Вып. II. Харьков, 1928.

The list of the quoted literature:

1. Zhizhilenko A. A. Imushchestvennyye prestupleniya. L., 1925.
2. Zhizhilenko A. A. Polovye prestupleniya. M., 1924.
3. Isaev M. M. Imushchestvennyye prestupleniya. M., 1938.
4. Lyublinskij P.I. Prestupleniya v oblasti polovyh otnoshenij. M.-L., 1925.
5. Mokrinskij S., Natanson V. Prestupleniya protiv lichnosti. Vyp. II. Har'kov, 1928.